

Ю. А. Дзиццоиты
Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Южная Осетия,
dzicc@mail.ru

К ИСТОРИИ ЛАБИАЛЬНЫХ ФОНЕМ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В научной литературе сохраняются соответствия между осетинскими лабиальными фонемами и их предполагаемыми праиранскими прототипами, установленные еще В. Ф. Миллером в конце XIX в. В статье рассматриваются рефлексы праиранских **b* и **p* в интервокальной позиции. Согласно традиционной схеме, праиранский **b* отразился в осетинском в виде *b*, который иногда переходит в *v*, а праиранский **p* — в виде *v*. Между тем, в ряде исследований показано, что праиранский **p* в интервокальной позиции переходит сначала в **b*, а затем сливается с рефлексом праиранского **b*. В то же время этот промежуточный **b* не всегда подвергается спирантизации.

Ключевые слова: осетинский язык, лабиальные фонемы, рефлексы праиранских **b* и **p*.

Yu. A. Dzitsoity
South Ossetian State University, Tskhinval, South Ossetia. dzicc@mail.ru

On the history of labial phonemes in the Ossetian language

In the scholarly literature, the correspondences between Ossetian labial phonemes and their supposed Proto-Iranian prototypes established by V. F. Miller in the 19th century are still regarded as valid. In this study two of them are considered, namely the reflexes of Proto-Iranian **b* and **p* in the intervocalic position. According to the traditional view, Proto-Iranian **b* is reflected in Ossetian as *b*, which sometimes turns into *v*; the Proto-Iranian **p* as *v*. Meanwhile, a number of modern studies have shown that Proto-Iranian **p* in the intervocalic position first changes into **b*, and then merges with the reflex of Proto-Iranian **b*. At the same time, this intermediate **b* not always undergoes spirantization. The article considers cases of preservation of intervocalic *b* and explains the reasons for its preservation.

Keywords: Ossetian labial phonemes, reflexes of Proto-Iranian **b* and **p*.

История изучения лабиальных фонем в осетинском языке начинается с известной работы В. Ф. Миллера (1882: 84–85), установившего следующую схему соответствий. Праиранские **p* и **b* отразились в осетинском соответственно в виде *f* и *b*, а праиран. **p* после гласного и сонорного — в виде *b*. Кроме

того, осет. *b* в интервокальной позиции иногда переходит в *v*. В последующем исследовании было установлено, что праиран. **p* дал в осетинском три рефлекса: *f* (в начале слова), *v* (после гласных) и *b* (после сонорных) (Miller 1962: 61–64); а праиран. **b* отразился в виде *b*, который между сонорными иногда чередуется с *v* (Там же: 61–62); праиран. **b* после сонорных переходит в *v* (Там же: 63–64). Эта схема с некоторыми оговорками принята и в современных исследованиях по истории осетинского консонантизма (Abaev 1965: 33–35; Bielmeier 1977: 34–35; Isaev 1987: 567; Thordarson 1989: 464; Chyong 2008: 25). Отмечены также исключения из этой схемы, обобщенные в Dzitstsoity 2021: 279–284¹. Здесь мы рассматриваем два вопроса, не получивших удовлетворительного решения: 1) переход **p* > *b* в интервокальной позиции, и 2) сохранение *b* в той же позиции без перехода в *v*.

1.1. Говоря о переходе **p* > *b* после сонорных, В. Ф. Миллер в числе прочего привел и праиран. префикс **upa-* > осет. *ba-*, а также праиран. **upa-had-* > осет. *badyn* ‘сидеть’ (Miller 1962: 62). Оба примера признаны абсолютно надежными (Abaev 1958: 230–231; Chyong 2008: 119; EDIL, III: 310), а впоследствии подкреплены другими примерами: праиран. **upā-padam* (или **upa-ati-pada-* — Chyong 2008: 238) > осет. *bajvæd* ‘по своим следам’ (Abaev 1958: 232), праиран. **upa-āsa-* (или **upa-āsjā-* (Chyong 2008: 119, или **upa-āśa-* — EDIL, I: 235) > осет. *bas* ‘похлёбка’ (Abaev 1958: 239), праиран. **upasta-* (или **upastai* — Chyong 2008: 242) > осет. *bæstæ* ‘страна’ (Abaev 1958: 254–255)², др.-иран. **upā-ɣara-* > осет. *bwar* | *bawær* ‘тело’ (Abaev 1958: 275), др.-иран. **ā-* + **puz-* > осет. *abuzyn* | *abuzun* ‘вздуваться’ (Abaev 1958: 24–25; EDIL, VI: 262) и т. п.

1.2. Как видно из этих примеров, переход **p* > *b* в осетинском свершился не только после сонорного, но в первую очередь в интервокальной позиции. А учитывая дальнейшую судьбу интервокального *b*, схема преобразований праиран. **p* на осетинской почве выглядит так: «[в] положении между гласными обычно **p* > **b* > *v*» (Edelman 1986: 185–186). Между

¹ Здесь мы не рассматриваем переход праиран. **p* > осет. *w* (Abaev 1989: 72, 148; EDIL, IV: 233), а также сохранение праиран. **p* в осетинском языке без изменений как в анлауте, так и в инлауте (Bailey 1958: 538–539).

² Об этимоне и дальнейших связях на индоиранской и кельтской почве см. Falileyev 2022: 1161.

тем, согласно Дж. Чёнгу, праиран. «интервокальное **-p-* в осетинском дает звонкий *-v*» (Chyong 2008: 207–208)³. В то же время, обсуждая происхождение слова *ruvas*, *rubas* | *robas* ‘лиса’ из праиран. **raupāša-* (об этимоне см.: EDIL, V: 79 и сл.), Дж. Чёнг пишет: «иронский вариант *ruvas* озадачивает: он до сих пор не имеет убедительного объяснения» (Chyong 2008: 311–312). Т. е., в фонетической эволюции праиранского **raupāša-* на осетинской почве закономерным признается развитие **-p-* > *-b-*, тогда как неясным и требующим объяснения — появление *-v-* в иронском диалекте. Это полностью противоречит позиции В. И. Абаева, для которого неясными и требующими объяснения являются как раз случаи сохранения интервокального *-b-* без перехода в *-v-* (см. ниже).

1.3. Противоречие между двумя исследователями требует своего объяснения. Следует при этом подчеркнуть, что в приведенных выше примерах, подтвержденных и Дж. Чёнгом, речь идет именно о переходе **p* > *b* в интервокальной позиции. Оказавшись со временем в абсолютном начале слова, осетинский *b-*, вышедший из праиран. **p*, не перешел в **v-*, как это имело место в тех случаях, когда тот же **b*, оставаясь в интервокальной позиции, спорадически изменялся в *v*.

Этот же **b*, оказавшись, по крайней мере, в иронском диалекте в абсолютном конце слова, изменялся в *v*, ср. осет. *æxsæv* | *æxsævæ* ‘ночь’ из праиран. **xšapā-* (Chyong 2008: 207–208), а не **xšap-* (Абаев 1989: 231).

Косвенным подтверждением того, что праиран. **p* в интервокальной позиции на осет. почве перешел сначала в **b*, а затем — в *v*, помимо приведенных выше примеров, является и осет. *avg* | *avgæ* ‘стекло’, возводимое к др.-иран. **āp(a)kā-* (Абаев 1958: 84–85; Chyong 2008: 25; EDIL, I: 313). Судя по адыгскому заимствованию *abž* | *apč* ‘стекло’ (Shagirov, I: 55), аланскую форму этого слова следует реконструировать в виде **abg(æ)*.

1.4. Таким образом, развитие праиран. **p* > осет. **b* в интервокальной позиции вряд ли может быть оспорено. Оно представляется нам наиболее вероятным вариантом развития еще и потому, что находит параллели в памирских языках (Edelman 1986: 183–185), хотя отсутствует в ягнобском (Там же: 185).

³ Высказано также мнение о возможном переходе праиран. **p* в этой же позиции в осетинский *f*, примеры см.: Абаев 1958: 30–31, 32, 33–34, ср. возражения Chyong 2008: 207–208.

Возможно, перед нами одна из многочисленных осетино-памирских изоглосс.

2. Такая же картина вырисовывается и в некоторых праиранских кластерах с участием **p*. Считается, что праиран. кластер **pt* дал в осетинском языке рефлекс *ft*, который в большинстве современных слов перешел в *vd*. Именно так трактуется история этого кластера на осетинской почве В. И. Абаев, например, при анализе праиранского числительного **hapta* ‘семь’ (об этимоне см. также EDIL, III: 362), скифский рефлекс которого он усматривает в имени *Ἀρθαίμακος*, *Ἀρθείμακος* (**hapta-ma-ka*) ‘Septimius’⁴, а аланский — в топониме *Ἀρδάβδα* «место, посвященное семи *ard*’ам» (Абаев 1949: 167). Дж. Чёнг реконструировал для осет. *avd* ‘семь’ этимон **hafta* (Chyong 2008: 216), а для *ævdaj* ‘семьдесят’ — **haftāti-* (Там же: 230). Однако есть основания полагать, что в скифском языке не было перехода **pt > ft*, и, следовательно, для указанных имен следует искать другую этимологию. В действительности речь должна идти о развитии **pt > *bd > vd*, при допущении, что в отдельных случаях последний кластер оглушался в *ft*. Об этом говорит сванское *t’ebdi* ‘теплый’, заимствованное из осет. *tævd* | *tævdæ* ‘горячий’ (Абаев 1979: 283; Isaev 1998: 207–215), что, на наш взгляд, указывает на аланскую форму **tæbdæ*. Между тем, осетинское слово возводят к др.-иран. **taftā-* (Абаев 1979: 283; Chyong 2008: 326), что предполагает обратное направление развития: **ft > vd*. Соответствия к этому слову в древних индоиранских языках говорят в пользу праиран. формы **taptā-*, ср. авест. *ham.tapta-*, санскрит. *taptā-* ‘знойный, жаркий, раскаленный’ (Chyong 2008: 326). А если учесть еще и сванское заимствование, то история рассматриваемого кластера на осетинской почве выглядит как: **pt > *bd > vd*. Это подтверждается и осетинским *ævdaj* ‘семьдесят’, заимствованным в балкарский язык в двух формах — *bədaj* и *uvdaži* id., допускающих две аланские формы — **æbdaj* и **ævdaž* (Абаев 1958: 195), распределение которых, очевидно, шло по диалектам или говорам аланского языка. Этот пример позволяет также сделать вывод о том, что переход **bd > vd* наметился уже в аланское время.

3.1. Нашему выводу противоречит целый ряд осетинских глаголов, в которых праиранский интервокальный **p* отразился в виде *-f-*. Однако по заслуживающему доверия мнению Дж. Чёнга, эти примеры следует объяснять парадигматическим

⁴ Об именах, образованных от числительных, см. Kazansky 1995.

выравниванием по форме причастия прошедшего времени, исходящего на *-ft* (Chyong 2008: 305, 312–313): *safyn* : *sæft* ‘терять’, *wafyn* : *wæft* ‘ткать’ и пр. Добавим, что и в этих случаях ничто не мешает предположить развитие $*pt > bd > vd > ft$. Во-первых, причастие прошедшего времени у некоторых глаголов до сих пор имеет две формы: *sk'æfyn* | *sk'æfun* ‘хватать; похищать’ — *sk'aft* / *sk'avd* (Абаев 1979: 121), *kafyn* | *kafun* : *kaft* | *kaft* / *kavd* ‘танцевать’⁵. Из двух дигорских форм причастия прошедшего времени исходной следует признать формы *sk'avd*, *kavd*, а вторичными — *sk'aft*, *kaft*. То что в этом и подобных примерах речь должна идти об оглушении первоначально звонкой группы *-vd-* > *-ft-* видно и по аналогии с развитием $*-kt-$ > $-gd-$ > $-γd-$ > $-xt-$ в слове *сyxт* | *ciγd* ‘сыр’ при др.-инд. *tikta-* ‘острый, горький’: «в дигорском диалекте сохраняется более старая форма» (Edelman 1986: 150).

3.2. Таким образом, появление *-f-* в причастиях прош. времени — явление сравнительно позднее, обязанное своим происхождением преобразованию кластера $*-pt-$ > $*-bd-$ > *-vd* > *-ft* с последующим выравниванием основы инфинитива по *-f-*. К этой же категории основ относятся глаголы *k'æfyn* : *k'æft* ‘лизать’, *særfyn* : *særaft* ‘вытирать’, *st'æfyn* : *st'æft* ‘вздрагивать’, *tælfyn* : *tæft* ‘ёрзать, дёргаться’, *ulæfyn* : *ulæft* ‘дышать’, *xafyn* : *xaft* ‘тереть, стирать’, *x^wyfyn* : *x^wyft* ‘кашлять’ и пр. В другой группе причастий кластер *-vd* (из $*-bd-$ < $*-pt-$) сохраняется и, соответственно, сохраняется *-v-* в инфинитиве: *ælqivyn* : *ælqvvd* ‘сжимать, сдавливать’, *kuvyn* : *k^wyvd* ‘молиться’, *ruvyn* : *ryvd* ‘полоть’ и пр. Причина сохранения кластера *-vd* в одних случаях и его оглушения в других нам не известна. Насколько можем судить, та группа глаголов, в которой кластер *-vd* подвергся оглушению, обладает экспрессивной коннотацией. Возможно, это и стало причиной оглушения указанного кластера.

3.3. Вместе с тем, в осетинском языке имеется кластер *-ft-*, происхождение которого совершенно иное. Например, в слове *ræftæ* ‘полдень’ < $*rapitwā-$ (Абаев 1973: 365–366; Chyong 2008: 305; EDIL, VI: 76), где *f*, очевидно, непосредственно из праиран. $*p$ под влиянием соседнего $*i$. Точно такое же происхождение имеет *f* в гидрониме *Æræf* | *Iræf*, который мы возвели

⁵ Основу глагола *kafyn* мы связываем с праиран. $*ka(m)p-$ ‘качать(ся), дрожать, тряс(ся)’, о котором см.: EDIL, IV: 199, а кабардинское *qafæn* ‘плясать’, вслед за Л. Лопатинским (Lopatinskiy 1891: 114), считаем заимствованием из осетинского.

к праформе **ɣ-apa-* ‘текущая вода’. Отталкиваясь от нашей этимологии, А. И. Илиади возвел компонент *араб* в украинском гидрониме *Старый Арабь* — приток Горохуватки — к аланскому **ar-ab*, который рассматривает как «вариант с диалектной трактовкой **apa-* как **ab*, отличной от продолжения того же **ɣ-apa-* в осетинском гидрониме *Æraef*» (Илиади 2021: 503). Между тем, как мы видели выше, адыгское *абдж*, заимствованное из осет. *avg* ‘стекло’, подсказывает, что аланским рефлексом иранского **apa-* было именно **ab*, а не **æf*. Поэтому украинский гидроним является вполне закономерным рефлексом древнеиранской основы, тогда как компонент *æf* в *Æraef* следует возвести к форме женского рода **āpi-* от той же иранской основы **apa-*.

3.4. Аналогичное развитие можно видеть в кластере **pti > *bzi > vʒ: stivʒ* ‘шкворень’ < **stipti-* (Абаев 1979: 152).

4. Выше мы отметили, что переход **b* в *v* мог наметиться уже в аланское время. Следует уточнить, что речь идет о переходе в кластере **bd > vd*. Что касается интервокального **b* (из **p*), то его спирантизация произошла намного позже. Это видно как из сохранения интервокального *b* в некоторых говорах и диалектах осетинского языка, так и в словах с экспрессивным значением (подробнее — ниже). Обратимся к уже знакомому нам примеру.

Осетинское *ruvas* | *robas* ‘лиса, лисица’ (из праиран. **raupāša-*) вплоть до недавнего времени в иронском диалекте также было представлено в форме *rubas*. Эту форму в середине XIX в. зафиксировали А. Шёгрэн (1844, I: 556; II: 124) для иронского диалекта, и Г. Розен (Rosen 1846: 394) для «юго-осетинского». Иронская форма *rubas* ‘лисица’, наряду с *ruvas*, зафиксирована и В. Ф. Миллером (1882: 85), хотя в его «Осетинско-русско-немецком словаре» (Miller 1929, s.v.) представлена форма *ruvas*, а форма *rubas* добавлена редактором А. А. Фрейманом с отсылкой к основной форме *ruvas*. В Словаре В. И. Абаева встречается только форма *rūvas*, а форма *rubas* даже не упоминается (Абаев 1973: 433–434). Очевидно, это решение продиктовано формой *ruvas*, представленной в переводах Евангелия, выполненных в первой трети XIX в. (Там же: 433). Между тем, форма *rubas* дожила до наших дней. Она зафиксирована автором этих строк в некоторых сёлах Южной Осетии, находящихся в ареале квайсинского говора кударского диалекта и чисанского говора иронского диалекта (оба — в Южной Осетии). Кроме того, З. Д. Цховребова зафиксировала

топоним *Rubasy fætk'wυ* 'Лисья яблоня' в Южной Осетии — пашня в окр. сел. Армаз. Зафиксировано также ласкательное наименование лисицы — *rubæga* (Qodzaty 1991: 82), которое трудно отделить от праиранского **raupa-ka-*, о котором см. (EDIL, V: 81).

5. Таким образом, мы имеем надежное свидетельство эволюции **p > *b > v* в интервокальной позиции на осетинской почве. Спирантизация *b* (из **p*), несомненно, связана с аналогичным процессом, имевшим место в рефлексах интервокального праиранского **b* на осетинской почве, к рассмотрению которых мы и переходим.

6. Развитие праиран. **b > осет. v*, отмеченное в свое время В. Ф. Миллером (1882: 87), ни разу не ставилось под сомнение. Приводим наиболее убедительные примеры.

æværyn 'класть' < **a-bar-* (Abaev 1958: 194) «при возможной контаминации с аналогичным образованием с провербами **ui-* или **aɥa-*» (EDIL, II: 89)

davyn 'красть' < **dāb-* (Abaev 1958: 348; EDIL, II: 275)

ivajyn 'бледнеть' < **ui-bā-* (Abaev 1958: 553; Chyong 2008: 272; EDIL, II: 155)

ivazyn 'тянуть' < **ui-bāz-* (Abaev 1958: 554; Chyong 2008: 272; EDIL, II: 154)

lævar 'дар; подарок' < **fra-bār-* (Abaev 1973: 35; Chyong 2008: 282)

minævar 'посол; посланник' < **manja-bāra-* (Abaev 1973: 120–122; Chyong 2008: 288; EDIL, II: 103)

nyv | *nivæ* 'изображение; рисунок' < **ni-bā-* (Abaev 1973: 210–212) или **naiba-* (EDIL, V: 435)

nyvændyn 'натягивать пряжу на колышки' < **ni-band-* (Abaev 1973: 212–213; EDIL, II: 71)

nyværzæn 'изголовье' < **ni-barzana-* (Abaev 1973: 213; Chyong 2008: 295; EDIL, II: 125)

nyvond 'жертва' < **ni-banda-* (Abaev 1973: 214–215; Chyong 2008: 295; EDIL, II: 74)

qavyn 'целиться; метить' < **gāb-* (Abaev 1973: 270–271) или **gab-* (EDIL, III: 95)

syvæ 'материнская утроба; матка' < **su-bara-* (Abaev 1979: 213; Chyong 2008: 322; EDIL, II: 103) и т. п.

Эволюция **-b- > -v-* прослеживается и в ряде кластеров:

а) **bd* / **db > vd*: *stavd* 'толстый' < **stabda-* (Abaev 1979: 145) (у Дж. Chyonga (2008: 317) **stafta-*); *qævdyn* 'щенок' <

**gadba-* + суффикс (Абаев 1973: 299) или **gadɥa-* (Chyong 2008: 300; EDIL, III: 103)

б) **bn* > *vn*: *arɥævnæ* ‘клещи’ < **ā-grab(a)na-* (Абаев 1958: 66; Chyong 2008: 212–213; EDIL, III: 280)

в) **br* > *rv*: *arv* ‘небо’ < **abra-* (Абаев 1958: 71–72; EDIL, I: 74) (у Чёнга (2008: 214–215) **ha-abra-*); *ælvynyn* ‘стричь’ < **brina-* (Абаев 1973: 48; EDIL, II: 167); *ærvad* ‘брат; родич’ < **brātar-* (Абаев 1973: 437–439; Chyong 2008: 228; EDIL, II: 179); *carv* ‘топленое масло’ < **čarba-* (?) (Абаев 1958: 290–291) или **čarpa-* (Chyong 2008: 245; EDIL, II: 233).

г) **zb* / **bz* > *vz*: *ævzær* ‘плохой’ < **zbara-* (Абаев 1958: 210–211); *ævz-* ‘пчела’ < **uabza-* (Абаев 1958: 208); *ævzag* ‘язык’ < возможно, **zbāka-*, а не **zwāka-* (Абаев 1989: 279) и т. п.

Такие же рефлексы дают сочетания праиранского преверба **abi-* с консонантным анлаутом.

ælvysin ‘прясть’ < **ævlisin* < **abi-rais-* (Абаев 1958: 132) или **abi-uraisa-* (Chyong 2008: 222), ср. (EDIL, VI: 353–354)

ærgævdyn ‘резать; закалывать’ < **ævgærdyn* < **abi-kart-* (Абаев 1958: 175; EDIL, IV: 313)

ævdærzyn ‘натирать (кожу)’ < **abi-darz-* (Абаев 1958: 197; EDIL, II: 370) или **apa-darzaia-* (Chyong 2008: 231)

ævdisyn ‘показывать’ < **abi-dais-* (Абаев 1958: 198–199; Chyong 2008: 231) или **apa-daiš-* (EDIL, II: 302) и т. п. Очевидно, в этих примерах следует предполагать синкопу срединного *i-* в сочетании **biC*.

7.1. Таким образом, история рассматриваемых фонем представляется нам в следующем виде. Праиранский интервокальный **b* в осетинском языке обычно переходит в *v*. Праиранский интервокальный **p* в среднеосетинском перешел в **b*, после чего разделил судьбу рефлекса праиранского **b*, преобразовавшись в большинстве слов в *v*. На этом фоне незакономерными являются случаи сохранения *-b-* в целом ряде слов, два из которых рассмотрены в нашей статье, написанной совместно с А. И. Фалилеевым (Dzitsstsoity, Falileyev, в печати). Весьма показательны следующие замечания В. И. Абаева. Говоря о невозможности возведения осет. *læbæz* ‘ягодица’ к древнеиранскому **fra-barziš-*, он резонно замечает, что «в этом случае ожидали бы **lævæz*» (Абаев 1973: 16). Однако осет. *læburyn* ‘нападать’ он возводит к др.-иран. **fra-baur-* (Абаев 1973: 16–17), *læburyn* ‘оползать’ — к **fra-bur-* (Там же: 17), осет. *ræbyn* ‘подножие’ выводит из др.-иран. **fra-buna-* (Там же: 359), никак не комментируя сохранение в них срединного *-b-*. Кроме

того, наличие в осетинском слове неспирантизированного *-b-* в одних случаях служит для В. И. Абаева причиной усомниться в справедливости предлагаемой этимологии, а в других — поводом для признания в соответствующем слове заимствования. Так, говоря об этимологии осет. *tæbyn* ‘шерстяная нить’, возводимого к др.-иран. **tab-*, он добавляет: «ожидали бы **tævyn ...*» (Абаев 1979: 244, прим. 1), а для таких слов, как *qæbær* ‘крепкий’, *qæbys* ‘лоно’ и т. п. даже не пытается предложить иранский этимон. Однако, количество слов с иранской этимологией, в которых сохранился интервокальный *-b-*, намного больше тех, на которые указал В. И. Абаев (*læburyn*, *læbyryn*, *ræbyn*). В этих абсолютно надежных случаях сохранение интервокального *-b-* никак не объясняется.

Можно выделить несколько причин сохранения интервокального *-b-*, одна из которых уже была отмечена в научной литературе.

7.2. Переход **-b- > -v-* носит диалектный характер: он представлен, прежде всего, в иронском диалекте, тогда как в дигорском не очень активен (Абаев 1949: 381–382; Edelman 1986: 185; Thordarson 1989: 464). Правда, встречаются исключения из этого правила. Во-первых, отмечено обратное соответствие: ирон. *tibung*, диг. *tevingæ* ‘кожаные лопасти, подвешенные по бокам седла’ (Абаев 1979: 290–291). Во-вторых, иногда в иронском диалекте представлены две формы: ирон. *зувур*, *зубыр*, диг. *zubur* ‘соха’ (Абаев 1949: 381), *zavad*, *zabad* ‘молодые ростки, побеги, стебли’ (Абаев 1989: 289) и т. п. В-третьих, две формы иногда представлены в дигорском: ирон. *бæуæмвад*, диг. *bæуænvad*, *bæуænbad* ‘босой’ (Абаев 1949: 382). В-четвертых, добавим от себя, что и в кударском диалекте этот переход не всегда срабатывает: из приведенных В. И. Абаевым примеров, как минимум, два встречаются исключительно с интервокальным *-b-*: ирон. *зувур*, *зубыр*, диг. *zubur*, кудар. *žybyr* ‘соха’; ирон. *sælavyr*, *sælabyr*, диг. *salaur* (Абаев 1979: 61), кудар. *sælabyr* ‘куница’.

7.3. Перехода **-b- > -v-* никогда не происходит в кластере *-mb-*: *æmbaj* ‘ровесник’, *æmbal* ‘товарищ; друг’, *æmbarun* ‘понимать’, *æmbawun* ‘гноить’, *æmbælyn* ‘встречаться’, *æmbærзун* ‘покрывать’, *æmbæxsun* ‘прятать’, *æmbis* ‘половина’, *æmbond* ‘ограда; стена’, *æmbudyn* ‘обонять; чуют’, *zæmbu* ‘лапа’, *læmbynæg* ‘тщательно’, *zæmbun* ‘зевать’ и т. п.

7.4. Перехода *-b- > -v- не происходит:

а) в звукоподражательной лексике:

bær-bær (с параллельной, еще более экспрессивной, формой *p'ær-p'ær*) 'болтовня', *c'ybar-c'ybur* 'чирикание', *dybyl-dybyl* 'детский лепет', *gybar-gybur* 'грохот', *k'ybar-k'ybur* 'шум выстрелов', *sybar-sybur* 'шёпот', *sybyrtt* 'звук; шёпот' и т. п.

б) в звукоизобразительной лексике (идеофоны):

sybur 'короткий', *č'ybyla* 'ушат, кадушка', *gubakk* 'куча; кочка', *guboraē* 'небольшой чурек, пирожок', *gwybyn* 'живот', *gwybyr* 'сгорбленный', *k'æbæl* 'втулка', *k'æbyr* 'скалистый выступ', *k'æbut* 'затылок', *k'ubal* 'шея', *k'ibus* 'выступ; шишка', *qabolæ* 'утолщение кости в сочленении', *sæbækk* 'расплющенный', *tæbækk* 'расплюснутый', *tybar-tybur* 'сверкание', *zæbul* 'отвисший' и т. п.

в) в словах из «детской» речи:

gæbi, *gæbo* 'объятия', *gobi* 'немой' (< *ægomyg* id. (Абаев 1958: 521)) и т. п.

г) в демиинутивах:

baba 'дедушка', *k'æbær* 'крошка; кусок хлеба', *k'æbyla* 'щенок', *k'æbys* 'щенок', *qæbul* 'дитя; ребенок', *qybyl* 'поросянок' и т. п.

7.5. Не происходит указанного перехода и в композитах, которые легко можно разложить на составные части:

abon 'сегодня' < *a-* 'этот' + *bon* 'день'; *x^wycawbon* 'воскресенье' < *x^wycaw* 'бог' + *bon* 'день' и т. п.

В этом же ряду следует рассматривать сочетания провербов, исходящих на гласный, с глаголами, начинающимися на *bV-*: *badyn* 'сидеть' — *a-badyn* 'пересесть', *ra-badyn* 'встать' и т. п. Аналогично ведут себя и старые образования проверба с глаголом, которые настолько срослись, что их невозможно разложить на составные части. Так, глагол *abuzyn* 'вздуться, вспучиваться' состоит из проверба *a-* и несохранившегося в свободном употреблении глагола **buzyn* (Абаев 1958: 24–25)⁶.

7.6. Не происходит указанного перехода и в относительно поздних заимствованиях:

abana 'баня' (Абаев 1958: 23), *abazi* 'монета в 20 копеек' (Там же: 24), *abyræg* 'разбойник; абрек' (Там же: 25), *babyz* 'утка' (Там же: 230) и т. п.

⁶ Любопытен обратный перебой -v- > -b- в слове *wælivyx*, *wælibyx* 'ритуальный пирог с сыром' (Абаев 1989: 80–81), который можно рассматривать как гиперкоррекцию.

Исключение составляют заимствования из кабардинского языка, в оригинале которых содержится кластер *bž*: *ag^wyvzæ* ‘стакан’ < каб. *hägwəbžæ* (Абаев 1958: 37), *lyvzæ*, *lybzæ* ‘мясное рагу’ < каб. *ləbžä* (Абаев 1973: 59).

7.7. С учетом сказанного можно попытаться объяснить и примеры, приведенные В. И. Абаевым. Не исключено, что в слове *læbyryn* смычный *-b-* сохранился благодаря переосмыслению и под влиянием *byryn* ‘сползать; скользить’, а в *ræbyrn* — из-за ощущения наличия в нем слова *byn* ‘низ; дно’. Что касается слова *læbyryn*, то оно несет в себе экспрессивную коннотацию.

Приведенными причинами можно объяснить сохранение *-b-* и в некоторых других словах. Так, осет. *k'abaz* ‘конечность; ветвь’ связывают с греческим *σκάπτος*, латинским *scopa* ‘небольшая ветка’ (Bailey 1980: 242). Надо полагать, что и в данном случае сохранению интервокального *-b-* способствовало наличие в исходной семантике идеи «маленький».

Еще один случай сохранения интервокального *-b-* (из **-p-*) находим в слове *k'wybar* ‘ком, комок’, корень которого, по мнению Д. И. Эдельман, восходит к праиран. **kaup-* (Edelman 1986: 137). Этот случай можно отнести к идеофонам.

8. Подведем итоги. Праиранский интервокальный и постсонорный **-p-* в осетинском обычно переходит в *-b-*, который, слившись с рефлексами праиранского интервокального и постсонорного **-b-*, обычно подвергается спирантизации.

Праиранский кластер **pt* отражается в виде **bd*, который обычно переходит в *vd*, а этот кластер иногда подвергается оглушению *ft*.

Источники и литература

- Abaev V. I. 1989: *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol. IV. Leningrad: Nauka.
- Абаев В. И. 1989: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. IV. Л.: Наука.
- Abaev, V. I. 1949: *Osetinskij jazyk i fol'klor* [Ossetian Language and folklore]. Vol. I. Moscow; Leningrad.
- Абаев, В. И. 1949: *Осетинский язык и фольклор*. Т. I. М., Л.: Изд-во АН СССР.
- Abaev, V. I. 1958: *Istoriko-etimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol. I. Moscow; Leningrad.

- Абаев, В. И. 1958: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Abaev, V. I. 1965: *Skifo-evropeyskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada* [*Scythian-European Isoglosses. At the Crossroads of East and West*]. Moscow: Nauka.
- Абаев, В. И. 1965: *Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада*. М: Наука.
- Abaev, V. I. 1973: *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [*Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language*]. Vol. II. Leningrad.
- Абаев, В. И. 1973: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. II. Л.: Наука.
- Abaev, V. I. 1979: *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [*Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language*]. Vol. III. Leningrad: Nauka.
- Абаев, В. И. 1979: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. III. Л.: Наука.
- Bailey, H. W. 1958: Arya. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. University of London. Vol. XXI, Pt. 3, 522–545.
- Bailey, H. W. 1980: Ossetic (Nartä). In: Hainsworth J. B., Hatto A. T. (eds.). *Traditions of Heroic and Epic Poetry*. London: MHRA, 236–267.
- Bielmeier, R. 1977: *Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz*. Frankfurt am Main; Bern; Las Vegas: Lang.
- Chyong, Dzh. 2008: *Ocherki istoricheskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [*Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism*]. Vladikavkaz, Tskhinval: Izd.-pjligrاف. predpriyatие im. V. Gassieva.
- Чёнг, Дж. 2008: *Очерки исторического развития осетинского вокализма*. Пер. с англ. Владикавказ; Цхинвал.
- Dzitssoity, 2021: *Etimologicheskij slovar' iranskikh yazykov*. Vol. 6. [*Etymological Dictionary of Iranian languages*]. *Nartamongæ*. Vol. 16, 260–287.
- Дзиццойты Ю. А. 2021: *Этимологический словарь иранских языков* Т. 6. *Nartamongæ*. Т. 16, 260–287.
- Dzitssoity, Yu., Falileyev, A. *Some Ossetic etymologies* (in print).
- Edelman, D. I. 1986: *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Fonologiya* [*Comparative Grammar of East Iranian Languages. Phonology*]. Moscow: Nauka.
- Эдельман, Д. И. 1986: *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология*. М.: Наука.
- EDIL (I–III) — Rastorgueva V. S., Edelman D. I. *Etimologicheskij slovar' iranskikh yazykov* [*Etymological Dictionary of the Iranian Languages*]. Vol. I–III. Moscow: Vost. lit.

- ЭСИЯ (I–III) — Расторгуева, В. С., Эдельман, Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. ТТ. I–III. М.: Вост. лит., 2000, 2003, 2007.
- EDIL (IV–VI) — Edelman D. I. *Etimologicheskij slovar' iranskikh yazykov* [*Etymological Dictionary of the Iranian Languages*]. Vol. IV–VI. Moscow: Vost. lit.
- ЭСИЯ (IV–VI) — Эдельман, Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. ТТ. IV–VI. М.: Вост. лит. 2011, 2015, 2020.
- Falileyev, A. I. 2022: Ceito-Iranica. I. K voprosu ob izoglossakh i paralleyakh v morfologii [Ceito-Iranica. I. Isoglosses and morphological parallels, revisited]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* XXVI (1), 1149–1165.
- Фалилеев, А. И. 2022: Celto-Iranica. I. K voprosu ob izoglossakh i paralleyakh v morfologii. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXVI (2). СПб.: ИЛИ РАН, 1149–1165.
- Iliadi, A. I. 2021: Iranica v toponimii Podneprov'ya [Iranica in the toponimy of Dnepr region]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* XXVI (1), 502–513.
- Илиади, А. И. 2021: Iranica в топонимии Поднепровья. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXV(1). СПб.: ИЛИ РАН. С. 502–513.
- Isaev, M. I. 1987: *Osetinskiy yazyk* [Ossetian language]. In: *Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages. Eastern Group*. Moscow: Nauka, 537–643.
- Исаев, М. И. 1987: Осетинский язык. В сб.: *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа*. М.: Наука, 537–643.
- Kazansky, N. N. 1995: Indo-European Onomastics as an Historical Source. *Journal of Indo-European Studies*. Vol. 23. № 1/2, 157–177.
- Klimov, G. A. 1998: Kartvel'skie analogii indoevropeyskogo *tep- 'byt' goryachim, tyoplym' [Kartvelian analogies to indo-european *tep- 'to be hot, warm']. In: *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday*. Rome, 207–215.
- Климов, Г. А. 1998: Картвельские аналогии индоевропейского *tep- 'быть горячим, теплым'. В сб.: *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday*. Rome, 207–215.
- Lopatinskiy, L. 1891: *Kratkaya kabardinskaya grammatika* [A short Grammar of Kabardian Language]. In: *The Collection of materials for describing the Areas and Tribes of the Caucasus*. Vol. 12, Pt. 2. Tiflis.
- Лопатинский Л. 1891: Краткая кабардинская грамматика. В сб.: *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. XII, отд. 2. Тифлис.

- Miller, V. F. 1882: *Osetinskiye etyudy* [*Ossetian Studies*]. Vol. 3. Moscow: Миллер В. Ф. 1882: *Осетинские этюды*. Ч. II. М.: Типография А. Иванова.
- Miller, V. F. 1929: *Osetinsko-russko-nemetskiy slovar'* [*Ossetian-russian-german Dictionary*]. Vol. 2. Leningrad: AN SSSR. Миллер В. Ф. 1929: *Осетинско-русско-немецкий словарь*. Т. II. Л.: Изд-во АН СССР.
- Miller, V. F. 1962: *Yazyk osetin* [*Language of Ossetians*]. Moscow; Leningrad: Nauka. Миллер В. Ф. 1962: *Язык осетин*. М.; Л.: Наука.
- Godzaty, A. 1991: *K'ostai khadzar* [*The house of K'osta*]. Dzaudzhikau: Ир. Хъодзаты, А. 1991: *Къостайы хæдзар*. Дзæуджыхъæу: Ир.
- Rosen, G. 1846: Über die Ossetische Sprache. *Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 361–403.
- Shagirov, A. K. (I): *Etimologicheskiy slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [*An Etymological Dictionary of Adige (Circassian) Languages*]. Vol. I. Moscow: Nauka, 1977. Шаги́ров, А. К. (I): *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков*. Т. I. М.: Наука, 1977.
- Shyogren, A. 1844: *Osetinskaya grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossiyskim i rossiysko-osetinskim* [*Ossetian Grammar with a Concise Ossetian-Russian and Russian-Ossetian Dictionary*]. St. Petersburg: Imp. Akad. nauk. Шёгрен А. 1844: *Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским*. Ч. I (грамматика); Ч. II (словарь). СПб.: Имп. акад. наук.
- Thordarson, F. 1989: *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden, 456–479.